

"Крупный, оригинальный талант"

В один из весенних дней 1853 года домовая церковь пензенского дворянского института по случаю большого праздника была переполнена. Помимо учеников, стройными рядами выстроившихся вдоль церкви, на торжественном богослужении присутствовали институтское начальство, преподаватели и много гостей. Обедня подходила к концу. Церковный хор, изредка прерываемый дребезжащим тенорком священника и рокочущим басом дьякона, звучал слаженно и чинно. И в тот момент, когда после небольшой паузы хор торжественно грянул "верую во единого бога", один из прислуживавших в алтаре учеников, высокий черноволосый юноша с матово-бледным лицом, сделал несколько шагов по амвону, отворил царские врата и вошел в алтарь. Все присутствовавшие на какой-то момент замерли, а потом по церкви прокатился глухой ропот возмущения: ведь в царские врата могли входить только священнослужители. И нарушение этого правила почиталось величайшим святотатством.

В алтаре между тем послышался глухой стон и звук падающего тела. Через несколько минут из бокового предела вынесли возмутителя спокойствия - он был без сознания.

Совершил этот "неслыханный" поступок один из самых прилежных и набожных воспитанников института Василий Слепцов, имя которого в скором времени станет известным всей образованной России.

Едва Слепцов пришел в себя, возмущенный директор института потребовал от него объяснений. И то, что он услышал, привело его в неопишемую ярость:

- Я хотел испытать, что будет, - страдальчески нахмутив брови, слабым, еле слышным голосом проговорил виновник переполоха. - Я ведь, входя, сказал: "Не верую"! Я хотел видеть, допустит ли это и накажет ли меня за это бог. Если он есть, он ведь непременно должен был наказать меня, потому что тогда я сделал грех и, пожалуй, даже большой грех. Но вот я, видите ли, я сомневаюсь, я ведь давно сомневаюсь, вот в чем дело, - закончил он и устало закрыл глаза.

Подобное объяснение лишь усугубляло вину Слепцова, так как свидетельствовало об отсутствии у него религиозных чувств, обнаруживало склонность к атеизму и даже вольнодумство. И возмездие последовало незамедлительно - беспокойный ученик был без особого шума исключен из института, поскольку предавать широкой огласке случившееся было не в интересах начальства. *

Это был первый, но далеко не последний решительный поступок будущего активного участника демократического движения 1860-х годов и одного из самых талантливых и самобытных писателей-демократов Василия Алексеевича Слепцова.

О раннем периоде жизни Слепцова сохранилось очень мало сведений.

* Эту историю рассказала Л.Д. Нелидова в своем неопубликованном романе о В.А. Слепове "На Малой Земле", хранящемся в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ, фонд 331, оп. 1, ед. хр. 12).

Известно, что происходил он из старинного дворянского рода и родился 17 июля 1836 года в Воронеже, где в то время квартировал полк, в котором служил его отец. Через год семья Слепцовых переехала в Москву и поселилась в доме родителей отца.

Неласково встретили старики Слепцовы семейство сына. Дело в том, что во время польской кампании 1831 года он вопреки воле родителей женился на генеральской дочери Жозефине Адамовне Вельбутович-Паплонской, которая, с их точки зрения, имела массу недостатков: была бесприданница, некрасива, плохо говорила по-русски и самое ужасное - была католичкой.

Маленький Слепцов воспитывался в атмосфере откровенной вражды и ненависти, и это не могло не оказать влияния на его характер. Он рос замкнутым и очень впечатлительным ребенком. В нем рано проявились редкая наблюдательность и склонность к осмыслению увиденного. Все это способствовало раннему развитию мальчика. По свидетельству матери, он к трем годам научился писать и с этого времени нередко целые дни проводил в библиотеке деда.

Когда Слепцов подрос, его определили в первую московскую гимназию. А после того, как в 1849 году его семья переехала в небольшое имение в Саратовской губернии, которое отец получил в наследство, мальчика отдали в пензенский дворянский институт.

Учился Слепцов хорошо, но с товарищами сходилась трудно и неохотно: мешали замкнутость и нелюдимость, которые с годами не только не исчезли, а, наоборот, усилились. Скованность и застенчивость всегда мешали ему и позднее нередко давали окружающим повод для весьма превратного представления о его личности. И действительно, при первом знакомстве Слепцов производил впечатление человека холодного и высокомерного, играющего какую-то роль. Но вот как писала о нем его близкая